

Век кончился, век начался

Только при панорамном взгляде на историю наша “точка времени”, этот квант истории, доступный прямому восприятию, начинает становиться определенным и отчетливо-достоверным. Описать настоящее проще, чем понять его. Понять настоящее – одна из методологически труднейших задач всего комплекса наук.

Нашему поколению в масштабе мировой истории просто повезло. Как-то лет в тридцать, более-менее детально изучив мировую историю, я решил поставить такой мысленный эксперимент: меня посылают в любую точку истории для “нового рождения”, какую точку выбрать? Прошлый век показался уже слишком медленным по темпу, античность – замечательна по простоте, но архаична и чужда по нравам и ценностям, средневековье – слишком кровавое и безумно дремучее время. А более ранние времена вообще не для нас, они *иные*. Оставался XX век, но начало его слишком бурно и вплоть до середины века окрашено глобальными идеями, экспансией и войнами. К середине этого века наша гигантская империя оттаяла в оттепели, однако не только в империи, но и во всем цивилизованном мире наступил расцвет, известный как “шестидесятничество”. Смысл и ценность этого времени не понять никому, кроме нашего поколения, также не понять и его творцам, ибо творящие не рефлектируют, они – медиумы. Шестидесятые – момент мировой гомеостатики. Прошлое сравнялось в правах с будущим. Прорыв в космос сочетался с осмыслением эстетической стороны бытия – ни до, ни после этого больше не будет. Эстетическое восприятие, где Человек и Космос образовали дополнительную равноценных сторон, бывает в истории крайне редко: однажды в Древней Греции, однажды на переходе от романского к готическому миру, однажды в XVIII веке. Периоды эти все коротенькие, десятилетие-два от силы. Но пишут о них безмерно много, вспоминают их на каждом шагу. Ибо эти отрезки времени – самые ценные, вершинные и гомеостатические. В этой

неустойчивой точке равновесия осмыслено все и осмысливается навсегда. В наши 60-е это особенно явно проявилось, ибо всякий новый гомеостатический взлет непременно подводит итоги всех предшествующих вершин. Поэтому я и думаю, что родившиеся в год смерти Сталина или около того – исторически очень везучие люди. Они впитывали мировую культуру в подходящее время и навсегда унесли с собой матрицированную на них сверхсложность гомеостатики.

Никогда больше не повторятся Битлз. Музыку такого уровня сложности написать можно, стилизаторов хватает, но она не будет живой. Никогда больше не повторятся Стругацкие, это – новая мировая классика, которую понять способны только русские, так же, как только русские способны понять Толстого и Достоевского.

Вернемся на шаг назад. Лем, Азимов, Ефремов, спутник, целина, покорение тайги, рек, гор, робкое черно-белое телевидение, “Девять дней одного года”, безмерная вера во всемогущество науки и техники. Это еще не время Стругацких, это время глобальных иллюзий, апофеозом которых стал полет Гагарина. В середине 60-х фантасты и футурологи составляли прогнозы до конца века, и именно в этих прогнозах видны все особенности этого мышления. Если все будет развиваться так же хорошо, как идет сейчас, то к концу века мы решим все, что нами сейчас не решено, – примерно таков был прогноз А. Кларка. Но время забуксовало. Прогнозы не сбылись. Сайентизм сегодня всюду конкурирует с мистикой, и от ученых не ждут хороших чудес, а ждут глобальных катастроф. Насмешливо описанное Стругацкими “будущее за железной стеной” стало единственным наполнителем наших многоцветных телящиков. К концу века иллюзии кончились и позитивных утопий больше нет, они исчезли как жанр с мирового экрана и из текущей мировой литературы.

Мы хорошо знаем нашу русскую классику конца 19 века, начала 20-го. Учили в школе. Но как-то мне попала подборка журналов того времени, и

я просто обомлел от поразительного сходства массовой продукции этого периода с нашим временем. Потом вспомнилось, что все это высмеивал еще Аркадий Аверченко: помешательство на эротике, крови, проститутках и ворах (“На дне” Горького – из того же теста, но написано гениально, ибо поднято до философского масштаба), исторические и любовные романы, жизнь животных и насекомых, мистика, экзотика и эстетика самоубийства. И даже сам юмор, это выщучивание, шутовство, переходящее в символизм, банальное и ходульное донельзя у эпигонов. Деятнадцатый век начинался Пушкиным, дорос до Толстого и Достоевского, а завершился как дурно-мистический, пошлый и гнилой век массовой продукции. Гениев в нем мы открыли потом – и гении заслонили нам саму живую ткань этого века. Но нельзя же всерьез судить о греках только по их скульптурам и Парфенону!

XX век принципиально иной. Классическая мировая история достигла предела, после чего кончилась в прошлом веке и умерла, упакованная в красивые толстые фолианты степенных историков с окладистыми профессорскими бородами. Этим веком началась и в нем же закончилась рефлексия мирового развития, причем по большей части эта рефлексия происходила в России, хотя систематизация ее всюду шла в Германии. Выскажу предположение, что *век наш при всей его исторической краткости равновелик всей мировой истории.*

Век начался, как и полагается, с войн и мировых революций. В этом пакете мировых революций соединилось все: окончился век капитализма – и это “поймал в отголоске” О. Шпенглер; окончилось тысячелетие Руси – и не стало больше ананхроничной общинной и имперской Руси; окончился 300-летний цикл дома Романовых – и не пришла им на смену новая династия; кончился “златосеребряный” век странной русской культуры – и недостижимой вершиной он останется отныне навсегда. Окончились мировая живопись, мировая литература, мировая классическая музыка, архитектура и балет. Отсюда – только вниз? Отнюдь, ибо после конца низа и

верха больше нет.

После смерти нас ожидает взвешивание всех наших деяний на весах неподкупной справедливости, это известно людям еще по древнеегипетским представлениям, и в этой процедуре примерно едины все религии. Но буквально то же самое случилось с историей.

Итак, классическая история умерла – и начался страшный рефлексивный век. Он все пересмотрел с пристрастием знатока-патологоанатома. Научный и объективный по видимости, “музыку он разъял, как труп”, ибо – что есть весь модернизм, как не рассматривание и разъятие искусства на анатомическом уровне? “Франкенштайн” написан в атрибутике прошлого века, но идеология этого вещего произведения уже вполне модернистическая. Шпенглер, с его “морфологией”, разъял и рассыпал на безжизненные части мировую историю, Пикассо – изобразительность, конструктивисты – единое архитектурное целое, психоаналитики и бихевиористы – душу (психо), физики-ядерщики – материю на атомы и т.д. Куда ни сунься, двадцатый век все разобрал на атомы и даже проэкспериментировал с “социальным атомом” – человеком.

Но кто этот “некто”, где этот сверхорганизм, проводящий все эти “неудобоваримые эксперименты” с человеком и миром? Действия этого странного существа весьма напоминают обращение несформировавшегося ребенка с игрушками. Он как бы инспектирует свои владения, и эта глобальная инвентаризация всего сущего – самый первый из характерных признаков нашего века. Есть и второй: он проектирует из этих “кубиков” все новые и новые сочетания, не обращая внимания на стоны и массовую гибель своих игрушек. Он лихорадочно ищет некие неклассические сочетания из всего – и концу века эта рефлексивно-проективная экспансия достигает степени гиперэклетики. Остается один шаг до слов Кандинского – “Все дозволено”. С этого началось, этим и кончается, но за этот век в гигантской мясорубке прокручена вся мировая культура. Через десятилетие в Интернет

будут перекачаны все тексты мира, все художественные тексты, вся мыслимая информация вообще. Уже сейчас в нем все дозволено, хотя процесс еще не докрутился. Крах расстояний и конец победителей пространства.

Классическая история с ее ментальностью умерла, но тут же воскресла из пепла: рождается новый организм – человечество. Глобализация информации, мгновенность связи всех со всеми, но главное – что в этом всем я, Человек? И в чем, “в этом”?

Космическая этика, или этика будущего

Все, что мы можем предложить, будучи учеными, – это законные экстраполяции. Если механизм всей предшествующей истории (включая сюда расширительно и все ступени известной нам эволюции) показывает, что происходит *рост кооперации и накопления степени сложности отражения* (и управления в системах на основе этого отражения), то таков же должен быть в конечном итоге и следующий шаг. Это не означает, что мы знаем формы и судьбу Человечества после конца этой его истории. Все, что мы знаем, вмещается в одну фразу: Человечество едино. И в новом качестве оно только и способно вступить в сообщество разных других форм Разума. А сделаем следующий шаг – и мы познаем, что едина Галактика, а далее – едина Вселенная. Мы снова будем частью этого Вселенского Организма. И тогда нам, возможно, откроется Тайна Бога.

В определенном смысле Гегель был прав, когда говорил о ступенях восхождения Абсолютного Духа. Если принять это как схему, то ничто иное в этой области более не родилось. Ступень общественного интеллекта (атрибута общества в социальной эволюции) отчетливо связана с гегелевской схемой.

Концепция «образовательного общества» не является единственно возможной. Если в этой концепции упор делается на резкое увеличение роли

общественного механизма воспроизводства (при неизменном человеке), то можно предположить и противоположное: изменение потенциала самого человека, человека, оставшегося в принципе неизменным на всем протяжении истории. Возможно, К. Маркс имел в виду что-то подобное, когда говорил о "всестороннем развитии личности: он явно провидел за этим новое, нераскрытое качество человека. Почему бы нам не предположить возможность функционально-морфологического видоизменения конструкции самого человека, увеличение его мощности, открытия и запуска в нем резервных или же вообще новых эволюционных способностей? Между прочим, это более точно соответствует самой логике социоприродной эволюции, поскольку все прошлые эволюционные точки перехода были ознаменованы новым качеством составлявших систем (атом – молекула (вещество) – клетка – организм – ...). Трудно представить себе человечество, одномоментно решившее на практике перейти к "концепции образовательного общества" с кооперативной доминантой в идеологии: различия идеологических установок и уровень развития разных стран сегодня слишком громадны, и никакие интеграционные процессы не сделают человечество однородным. Между тем всякое видоизменение морфологии и функций самого Человека затронет всю планету одномоментно. Отметим именно этот феномен эволюционной одномоментности, который свелся в науке к гипотезе серии "эволюционных взрывов". Наука испытывает явную растерянность, пытаясь описывать бифуркационные точки глобальных эволюционных конусов: взрыв – и все тут. Между тем, по А.Л.Чижевскому, мы знаем, что всякая земная катастрофа и всякий эволюционный "взрыв" управляются извне. Даже в теории этногенеза Л.Н. Гумилева явно присутствует "внешнее управление" со стороны биосферы, но мы знаем из работ Чижевского и о психопатических аномалиях, если угодно о психоистории, которая тоже управляется извне – Солнцем и Космосом. Проследить источник

управляющего сигнала пока явно не в наших силах, но понятно, что передаточных звеньев несколько и работают они синхронно. Причем я бы разложил эту систему управления как минимум на три уровня (хотя их столько, сколько мы сможем познать):

- большие эволюционные волны; управление на переходах форм движения материи, управление из недр Вселенной (если угодно, Космический Разум галактического и более высоких уровней);

- средние эволюционные волны; управление внутри эволюционного конуса, это, скорее всего, Солнце (не просто живое, но и разумное Солнце);

- малые эволюционные волны; управление внутри одной (в истории – формационной) волны, где регулятором выступает организм биосферы (а точнее – Земля как живой организм со всеми известными нам "сферами" и совершенно пока неизвестными).

Все это ставит перед нами ряд актуальных историко-эволюционных проблем: сколько этапов прошла эволюция до нас? На каких уровнях развития находится иерархия систем "над нами"? Не является ли "стихийная эволюция" поверхностным взглядом (со стороны форм) на управляемую эволюцию, спроектированную эволюцию? Не селекционировал ли нас Космос в своих целях? Способны ли мы сами перейти к новому качеству Человека, или будем сметены очередным взрывом, что бы мы ни предпринимали?

Если ответить на последний вопрос положительно (а эта возможность содержится практически во всех известных божественных откровениях всех земных религий), то встает практическая проблема: как открыть в человеке новые эволюционные способности, какой должна быть здесь "педагогика" и путь самосовершенствования Человека? Каким может быть устройство нового общества в масштабах человечества, и каковы новые формы взаимоотношения "клетки-человека" и "организма-человечества"? Что их свяжет в это новое единство? Пока из ответов есть только один: чтобы

пройти сквозь игольное ушко нового эволюционного преобразования, человек должен иметь некий минимальный уровень духовности. Обычно предполагается, что "духовность" в науке и теологии достаточно осмыслена русскими умами, чтобы можно было говорить об однозначном ее понимании, но над этим надо поработать – сборочно. Минимальный уровень духовности, разумеется, в эволюционном, а не в житейском смысле: этот уровень как раз может оказаться для большинства недостижимо высоким ("много званых, да мало избранных"). По крайней мере, такая постановка вопроса ни перед кем не закрывает двери.

Как странно, что в начале этого века мы задаем себе вопросы, на которые в середине прошлого века пытались ответить шестидесятники. В этом смысле век был качественно однородный, целостный, и, если посмотреть его историю как "кинолентку наоборот", мы будем, несомненно, поражены, что глобальные ответы на все эти вопросы уже получены в самом начале века. Это вовсе не значит, что "прошлое нашей культуры и есть ее будущее", как у сменовеховцев, это значит, что социальное время контрамощно (см. Стругацких) и течет на вековом отрезке в противоположную нашему сознанию сторону. Но с некоторого момента оно перескакивает в новое *иное* будущее. Не прозевайте, ибо никто и никогда в классической истории не смог подготовиться к этому будущему. А вот у нас с вами иного выхода нет.